

ЖС 05
П 32

Тюнер
1936 г. - № 1-6

1936
1-6

ПИОНЕР

ЯНВАРЬ

Издательство ЦДК ВКП (б) Ленинград 1925 г.

№ 1

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Голубая чашка—рассказ <i>А. Гайдара</i> , Рис. <i>П. Митурича</i>	3
Песни английских детей— <i>С. Маршак</i> , Рис. <i>А. Брея</i>	16
Веер Тенгу—японская сказка. Обработала <i>Н. Фельдман</i> , Рис. <i>Ю. Кискачи</i>	18
Рассказы о Ленине— <i>М. И. Ульянова</i>	21
Антипыч—рассказ <i>М. Пришвина</i> , Рис. <i>Е. Чарушина</i>	29
Обжигающее слово— <i>Алексей Югов</i>	35
Про веселого туриста—стихи <i>С. Михалкова</i> , Рис. <i>Г. Берендфофа</i>	44
Путешествие в века—путешествие первое	46
Приключение в Атахуальпе—повесть <i>Теодора Пливье</i>	49
Ненарисованные рисунки	73
Научный телеграф	74
Отвоєванный браунинг—рассказ командира дивизии <i>В. В. Хлебникова</i>	81
Почта	84
Рассказ о говорящей собаке— <i>Мих. Лоскутов</i> , Рис. <i>А. Каневского</i>	91
Спорт	99
Высокие широты—проф. <i>Н. Н. Зубов</i>	103
Морские рассказы	115
Московские художники	117
„Космический рейс“	118
Самоделки	121
Биоскоп	124
Загадки доктора Каррабелиуса	126
Обложка работы художника <i>Пименова</i>	

ЖС $\frac{3}{132}$

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 1
Я Н В А Р Ь
1 9 3 6

ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. Свердловск

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

3
16
18
21
29
35
44
46
49
73
74
81
84
91
99
103
15
17
18
21
24
26

130460

рича

да и
е за-

и ее

і бу-
перез

вид-
у, у
А на
алай-
ки.

босо-
тур-
гряп-
вара,

одует
быст-
гутся
нас

и.
щеру

3

Голубая чашка

Рассказ А. Гайдара

Рис. П. Митурича

Мне тогда было тридцать два года, Марусе двадцать девять, а дочери нашей Светлане шесть с половиной.

Только в конце лета я получил отпуск, и на последний теплый месяц мы сняли под Москвой дачу.

Мы со Светланой думали ловить рыбу, купаться, собирать в лесу грибы и орехи. А пришлось сразу подметать двор, подправлять ветхие заборы, протягивать веревки, заколачивать колья и гвозди.

Нам все это очень скоро надоело, а Маруся одно за другим все новые да новые дела и себе и нам придумывает.

Только на третий день, к вечеру, наконец-то, все было сделано. И как раз когда собирались мы втроем идти гулять, пришел к Марусе ее товарищ — полярный летчик.

Они долго сидели в саду, под вишнями. А мы со Светланой ушли во двор к сараю и с досады взялись мастерить деревянную вертушку.

Когда стемнело, Маруся крикнула, чтобы Светлана выпила молока и легла спать, а сама пошла проводить летчика до вокзала.

Но мне без Маруси стало скучно, да и Светлана одна в пустом доме спать не захотела.

Мы достали в чулане муку. Заварили ее кипятком — получился клейстер.

Оклеили гладкую вертушку цветной бумагой, хорошенько разгладили ее и через пыльный чердак полезли на крышу.

Вот сидим мы верхом на крыше. И видно нам сверху, как в соседнем саду, у крыльца, дымит трубой самовар. А на крыльце сидит хромой старик с балалайкою, и возле него толпятся ребятишки.

Потом выскочила из черных сеней босоножая сгорбленная старуха. Ребятишек турнула, старика обругала и, схватив тряпку, стала хлопать по камфоре самовара, чтобы он закипал быстрее.

Посмеялись мы и думаем: «Вот подует ветер, закружится, закружит наша быстрая вертушка. Ото всех дворов сбегутся к нашему дому ребятишки. Будет и у нас тогда своя компания».

А завтра что-нибудь еще придумаем.

Может быть, выроем глубокую пещеру

для той лягушки, что живет в нашем саду, возле сырого погреба.

Может быть, попросим у Маруси суровых ниток и запустим бумажного змея — выше силосной башни, выше желтых сосен и даже выше того коршуна, который целый день сегодня сторожил с неба хозяйских дыплят и крольчат.

А, может быть, завтра с раннего утра сядем в лодку: я на весла, Маруся за руль, Светлана пассажиром — и уплывем по реке туда, где стоит, говорят, большой лес, где растут на берегу две дуплистые березы, под которыми нашла вчера соседская девчонка три хороших белых гриба. Жаль только, что все они были червивые.

Вдруг Светлана потянула меня за рукав и говорит:

— Посмотри-ка, папа, а ведь, кажется, это наша мамка идет, и как бы нам с тобой сейчас не попало.

И правда, идет по тропинке вдоль забора наша Маруся, а мы-то думали, что вернется она еще не скоро.

— Наклонись, — сказал я Светлане. — Может быть, она и не заметит.

Но Маруся сразу же нас заметила, подняла голову и крикнула.

— Вы зачем это, негодные люди, на крышу залезли? На дворе уже сыро. Светлане давно спать пора. А вы обрадовались, что меня нет дома, и готовы баловать хоть до полуночи.

— Маруся, — ответил я, — мы не балуем, мы вертушку приколачиваем. Ты погоди немного, нам всего три гвоздя доколотить осталось.

— Завтра доколоти, — приказала Маруся. — А сейчас слезайте, или я совсем рассержусь.

Переглянулись мы со Светланой. Видим, плохо наше дело. Взяли и слезли. Но на Марусю обиделись.

И хотя Маруся принесла со станции Светлане большое яблоко, а мне пачку табаку, — все равно обиделись.

Так с обидой и уснули.

А утром — еще новое дело! Только что мы проснулись, подходит Маруся и спрашивает:

— Лучше сознавайтесь, озорной народ, кто в чулане мою голубую чашку разбил?

А я чашки не разбивал. И Светлана говорит, что не разбивала тоже. Посмотрели мы с ней друг на друга и подумали оба,

что уж это Маруся выдумала совсем напрасно.

Но Маруся нам не поверила.

— Чашки, — говорит она, — неживые: ног у них нет. На пол они прыгать не умеют. А кроме вас двоих в чулан никто вчера не лазил. Разбили и не сознаетесь. Стыдно, товарищи!

После завтрака Маруся вдруг собралась и отправилась в город, а мы сели и задурались.

Вот тебе и на лодке поехали!

И солнце к нам в окна заглядывает. И воробьи по песчаным дорожкам скачут. И дыплята сквозь дырявый плетень со двора на улицу и с улицы на двор шмыгают. А нам совсем не весело.

— Что ж! — говорю я Светлане. — С крыши нас с тобой вчера согнали. Банку из-под керосина у нас недавно отняли. За какую-то голубую чашку напрасно выругали. Разве же это хорошая жизнь?

— Конечно, — говорит Светлана, — жизнь совсем плохая.

— А давай-ка, Светлана, надень ты свое розовое платье. Возьмем мы из-за печки мою походную сумку, положим туда твое яблоко, мой табак, спички, нож, булку и уйдем из этого дома куда глаза глядят.

Подумала Светлана и спрашивает:

— А куда твои глаза глядят?

— А глядят они, Светлана, через окошко, вон на ту желтую поляну, где пасется хозяйкина корова. А за поляной, я знаю, гусиный пруд есть, а за прудом водяная мельница, а за мельницей на горе березовая роща. А что там за горой, — уж этого я и сам не знаю.

— Ладно, — согласилась Светлана, — возьмем и хлеб, и яблоко, и табак, а только захвати ты с собой еще толстую палку, потому что где-то в той стороне живет ужасная собака Полкан. И говорили мне про нее мальчишки, что она одного чуть-чуть досмерти не заела.

Так мы и сделали. Положили в сумку, что надо было, закрыли все пять окон, заперли обе двери, а ключ подсунули под крыльцо.

— Прощай, Маруся! А чашки твоей мы все равно не разбивали.

Вышли мы за калитку, а навстречу нам молочница.

— Молока надо?

— Нет, бабка! Нам больше ничего не надо.

— У меня молоко свежее, хорошее, от своей коровы, — обиделась молочница. — Вернетесь, так пожалеете.

Загромычала она своими холодными бидонами и пошла дальше. А где ей догадаться, что мы далеко уходим и, может, не вернемся?..

Да и никто об этом не догадывался. Прокатил на велосипеде загорелый мальчишка. Прошагал, наверно, в лес за грибами толстый дядька в трусах и с трубкой. Прошла белокурая девица с мокрыми после купанья волосами. А знакомых мы никого не встретили.

Выбрались мы через огороды на желтую от куриной слепоты поляну, сняли сандалии и по теплой тропинке пошли босиком через луг прямо на мельницу.

Идем мы, идем и вот видим, что от мельницы во весь дух мчится нам навстречу какой-то человек. Пригнулся он, а из-за ракутовых кустов летят ему в спину комья земли.

Странно нам это показалось. Что такое? У Светланы глаза были зоркие, остановилась она и говорит.

— А я знаю, кто это бежит. Это мальчишка, Санька Карякин, который живет возле того дома, где чьи-то свиньи в сад на помидорные грядки залезли. Он вчера еще против нашей дачи на чужой козе верхом катался. Помнишь?

Добежал до нас Санька, остановился и слезы ситцевым кулком вытирает.

А мы спрашиваем у него:

— Почему это, Санька, ты во весь дух мчался, и почему это за тобой из-за кустов комья летели?

Отвернулся Санька и говорит:

— Меня бабка в колхозную лавку за солью послала. А на мельнице сидит пионер Пашка Букамашкин, и он меня драть хочет.

Посмотрела на него Светлана. Вот так дело!

Разве же есть в Советской стране такой закон, чтобы бежал человек в колхозную лавку за солью, никого не трогал, не задевал, и вдруг бы его ни с того ни с сего драть стали?

— Идем с нами, Санька, — говорит Светлана. — Не бойся. Нам по дороге, и мы за тебя заступимся.

Прошли мы втроем сквозь густой ракутник.

Взяли мы и хлеб, и яблоко, и табак, положили в сумку...

— Вот он, Пашка Букамашкин, — сказал Санька и попятился.

Видим мы, стоит мельница. Возле мельницы телега. Под телегой лежит кудластая, вся в репейниках собачонка и, приоткрыв один глаз, смотрит, как шустрые воробьи клюют рассыпанные по песку зерна. А на куче песка сидит без рубахи Пашка Букамашкин и грызет свежий огурец.

Увидал нас Пашка, но не испугался, а бросил огрызок в собачонку и сказал, ни на кого не глядя:

— Тю!.. Шарик... Тю!.. Вон идет сюда известный фашист, белогвардеец Санька. Погоди, несчастный фашист. Мы с тобой еще разделаемся.

Тут Пашка плюнул далеко в песок. Кудластая собачонка зарычала. Испуганные воробьи с шумом взлетели на дерево. А мы со Светланой, услышав такие слова, подошли к Пашке поближе.

— Постой, Пашка, — сказал я. — Может быть, ты ошибся? Какой же это фашист, белогвардеец?.. Ведь это просто-напросто Санька Карякин, который живет возле того дома, где чьи-то свиньи в чужой сад на помидорные грядки залезли.

— Все равно, белогвардеец, — упрямо повторил Пашка. — А если не верите, то хотите, я расскажу вам всю его историю.

Тут нам со Светланой очень захотелось узнать всю санькину историю. Мы сели на бревна. Пашка напротив. Кудластая соба-

чонка у наших ног, на траву. Только Санька не сел, а уйдя за телегу, закричал оттуда сердито:

— Ты тогда уж все рассказывай! И как мне по затылку попало, тоже рассказывай. Думаешь, по затылку не больно? Возьми-ка себе да стукни.

— Есть в Германии город Дрезден, — спокойно сказал Пашка, — и вот из этого города убежал от фашистов один рабочий, еврей. Убежал и приехал к нам. А с ним девчонка приехала, Берта. Сам он теперь на этой мельнице работает, а Берта с нами играет. Только сейчас она в деревню за молоком побежала. Так вот играем мы поза-вчера в чижа: я, Берта, этот человек, Санька, и еще один из поселка. Берта бьет палкой в чижа и попадает нечаянно этому самому Саньке по затылку, что ли...

— Прямо по макушке стукнула, — сказал Санька из-за телеги. — У меня голова загудела, а она еще смеется.

— Ну вот, — продолжал Пашка, — стукнула она этого Саньку чижом по макушке. Он сначала на нее с кулаками, а потом ничего. Приложил лопух к голове — и опять с нами играет. Только стал он после этого невозможно жулить. Возьмет — нашагнет лишний шаг, да и метит чижом прямо на кон.

— Врешь, врешь! — выскочил из-за телеги Санька. — Это твоя собака мордой ткнула, вот он, чиж, и подкатился.

— А ты не с собакой играешь, а с нами. Взял бы да и положил чижа на место. Ну вот. Метнул он чижа, а Берта как хватит палкой, так этот чиж прямо на другой конец поля, в крапиву, перелетел. Нам смешно, а Санька злится. Понятно, бежать ему за чижом в крапиву не охота... Перелез он через забор и орет оттуда: «Дура, жидовка! Чтоб ты в свою Германию обратно провалилась!» А Берта дуру по-русски уже хорошо понимает, а жидовку еще не понимает никак. Подходит она ко мне и спрашивает: «Это что такое?» А мне и сказать совестно. Я кричу: «Замолчи, Санька!» А он нарочно все громче и громче кричит. Я за ним через забор. Он в кусты. Так и скрылся. Вернулся я — гляжу: палка валяется на траве, а Берта сидит в углу, на бревнах. Я зову: «Берта!» Она не отвечает. Подошел я — вижу: на глазах у нее слезы. Значит, сама догадалась. Поднял я тогда с земли камень, сунул в карман и

думаю: «Ну, погоди, проклятый Санька. Это тебе не Германия. С твоим-то фашизмом мы и сами справимся!»

Посмотрели мы на Саньку и подумали: «Ну, брат, плохая у тебя история. Даже слушать противно. А мы-то еще собирались за тебя заступиться».

И только хотел я это сказать, как вдруг дрогнула и зашумела мельница, закрутилось по воде отдохнувшее колесо. Выскочила из мельничного окна обсыпанная мукой, ошалелая от испуга кошка. Спросенок промахнулась и свалилась прямо на спину задремавшему Шарик. Шарик взвизгнул и подпрыгнул. Кошка метнулась на дерево, воробьи с дерева на крышу. Лошадь вскинула морду и дернула телегу. А из сарая выглянул какой-то лохматый серый от муки дядька и, не разобравшись, погрозил длинным кнутом отскочившему от телеги Саньке.

— Но, но... смотри не балуй. А то сейчас живо выдеру!

Засмеялась Светлана, и что-то жалко ей стало этого несчастного Саньку, которого все хотят выдрать.

— Папа, — сказала она мне. — А, может быть, он вовсе и не такой уж фашист? Может быть, он просто дурак? Ведь правда, Санька, что ты просто дурак? — спросила Светлана и ласково заглянула ему в лицо.

В ответ Санька только сердито фыркнул, замотал головой, засопел и хотел что-то сказать. А что тут скажешь, когда сам кругом виноват, и сказать-то, по правде говоря, нечего.

Но тут пашкина собачонка перестала вдруг тявкать на кошку и, повернувшись к полю, подняла уши.

Где-то за рощей хлопнул выстрел. Другой. И пошло и пошло.

— Бой неподалеку! — вскрикнул Пашка.

— Бой неподалеку, — сказал и я. — Это палят из винтовок. А вот слышите? Это застрочил пулемет.

— А кто с кем? — дрогнувшим голосом спросила Светлана. — Разве уже война?

Первым вскочил Пашка. За ним помчалась собачонка, я подхватил на руки Светлану и тоже побежал к роще.

Не успели мы пробежать полдороги, как услышали позади крик. Мы обернулись и увидели Саньку.

Высоко подняв руки, чтобы мы его скорее заметили, он мчался к нам напрямик через канавы и кочки.

Тут нам со Светланой очень захотелось узнать всю санькину историю...

— Ишь ты, как козел скачет! — про-
бормотал Пашка. — А чем этот дурак над
головой размахивает?

— Это не дурак. Это он мои сандалии
тащит! — радостно закричала Светлана. —
Я их на бревнах позабыла, а он нашел и
мне их несет. Ты бы с ним помирился,
Пашка!

Пашка насупился и ничего не ответил.
Мы подождали Саньку, взяли у него желтые
светланины сандалии. И теперь уже вчетвер-
ром с собакой прошли через рощу на опуш-
ку.

Перед нами раскинулось холмистое по-
росшее кустами поле.

У ручья, позвякивая жестяным бубен-
чиком, щипала траву привязанная к ко-
лышку коза. А в небе плавно летал одино-
кий коршун. Вот и все. И больше никого
и ничего на этом поле не было.

— Так где же тут война? — нетерпе-
ливо спросила Светлана.

— А сейчас посмотрю, — сказал Паш-
ка и влез на пенек.

Долго стоял он, шурясь от солнца и за-
крывая глаза ладонью. И кто его знает,
что он там видел, но только Светлане
ждать надоело, и она, путаясь в траве, по-
шла сама искать войну.

— Мне трава высокая, а я низкая, —

приподнимаясь на цыпочках пожаловалась
Светлана. — И я совсем не вижу.

— Смотри под ноги, не задень провод, —
раздался сверху громкий голос.

Мигом слетел с пенька Пашка. Неуклю-
же отскочил в сторону Санька. А Светлана
бросилась ко мне и крепко схватила меня
за руку.

Мы попятились и тут увидели, что прямо
над нами, в густых ветвях одинокого дере-
ва, притаился красноармеец.

Винтовка висела возле него на суку. В
одной руке он держал телефонную трубку
и не шевелясь глядел в блестящий черный
бинокль куда-то на край пустынного поля.

Еще не успели мы промолвить слова, как
издалека как гром с перекатами и перегу-
дами ударил страшный орудийный залп.

Вздрогнула под ногами земля. Далеко от
нас поднялись над полем целая туча чер-
ной пыли и дым. Как сумасшедшая, под-
прыгнула и сорвалась с мочальной веревки
коза. А коршун вильнул в небе и, быстро,
быстро махая крыльями, умчался прочь.

— Плохо дело фашистам! — громко ска-
зал Пашка и посмотрел на Саньку. — Вот
как бьют наши батареи.

— Плохо дело фашистам, — как эхо
повторил хриплый голос.

И тут мы увидели, что под кустами сто-
ит седой бородатый старик.

У старика были могучие плечи. В руках он держал тяжелую суковатую дубинку. А у его ног стояла высокая лохматая собака и скалила зубы на поджавшего хвост пашкиного Шарика.

Старик приподнял широченную соломенную шляпу, важно поклонился сначала Светлане, потом уже всем нам. Потом он положил дубинку на траву, достал кривую трубку, набил ее табаком и стал раскуривать.

Он раскуривал долго, то прижимая табак пальцем, то ворочая его гвоздем, как кочергой в печке.

Наконец, раскурил и тогда так запыхтел и задымил, что сидевший на дереве красноармеец зачихал и кашлянул.

Тут снова загремела батарея, и мы увидели, что пустое и тихое поле разом ожило, зашумело и зашевелилось. Из-за кустарника, из-за бугров, из канав, из-за кочек — отовсюду с винтовками наперевес выскакивали красноармейцы.

Они бежали, прыгали, падали, поднимались снова. Они сдвигались, смыкались, их становилось все больше и больше, наконец, с громкими криками всей громадой они ринулись в штыки на вершину пологого холма, где еще дымилось облако пыли и дыма.

Потом все стихло. С вершины замахал флагами еле нам заметный и точно игрушечный сигнарист. Резко заиграла «отбой» военная труба. Обламывая тяжелыми сапогами сучья, слез красноармеец-наблюдатель с дерева. Быстро погладил Светлану, сунул ей в руку три блестящих жолудя и торопливо убежал, сматывая на катушку тонкий телефонный провод.

Военное учение закончилось.

— Ну, видал? — подталкивая Саньку локтем, укоризненно сказал Пашка. — Это тебе не чижом по затылку. Тут вам быстро пособьют макушки.

— Странные я слышу разговоры, — выдвигаясь вперед, сказал бородатый старик. — Видно я шестьдесят лет прожил, а ума не нашол. Ничего мне непонятно. Тут под горой наш колхоз «Рассвет». Кругом это наши поля: овес, гречиха, просо, пшеница. Это на реке наша новая мельница. А там, в роще, наша большая пасека. И над всем этим я главный сторож. Видал я жуликов, ловил и конокрадов, но чтобы на моем участке появился хоть один фашист, — этого еще не бывало ни разу. Подойди-ка ко мне, Санька — грозный человек. Дай я на тебя хоть посмотрю. Да постой, постой,

ты только слюни подбери и нос вытри. А то мне и так на тебя взглянуть страшно.

Все это неторопливо сказал насмешливый старик и с любопытством заглянул из-под мохнатых бровей... на вылупившего глаза, изумленного Саньку.

— Неправда! — шмыгнув носом, завопил оскорбленный Санька. — Я не фашист, а весь советский. А девчонка Берта давно уже не сердится и вчера откусила от моего яблока больше половины. А этот Пашка всех мальчишек на меня натравливает. Сам ругается, а у меня пружину зажулил. Раз я фашист, — значит, и пружина фашистская. А он из нее для своей собаки какую-то качалку сделал. Я ему говорю: «Давай, Пашка, помиримся», — а он говорит: «Сначала отдеру, а потом помиримся».

— Надо без дранья мириться, — убежденно сказала Светлана. — Надо сцепиться мизинцами, поплювать на землю и сказать: «Ссор, ссор никогда, а мир, мир навсегда». Ну, сцепляйтесь. А ты, главный сторож, крикни на свою страшную собаку, и пусть она нашего маленького Шарика не пугает.

— Назад, Полкан! — крикнул сторож. — Ляжь на землю и своих не трогай!

— Ах вот это кто? Вот он, Полкан-Великан, лохматый и зубатый.

Постояла Светлана, покрутилась, подошла поближе и погрозила пальцем.

— И я своя, а своих не трогай!

Поглядел Полкан: глаза у Светланы ясные, руки пахнут травой. Улыбнулся и вильнул хвостом.

Завидно тогда стало Саньке с Пашкой, подвинулись они и тоже просят:

— И мы свои, а своих не трогай!

Подозрительно потянул Полкан носом: не пахнет ли от хитрых мальчишек морковкой из колхозных огородов? Но тут как нарочно, вздымая пыль, понесся по тропинке шальной жеребенок. Чихнул Полкан так и не разобравши. Тронуть не тронул, но хвостом не вильнул и гладить не позволил.

— Нам пора, — спохватился я. — Солнце высоко, скоро полдень, ух как жарко!

— До свиданья! — звонко попрощалась со всеми Светлана. — Мы опять уходим далеко.

— До свиданья! — дружно ответили уже помирившиеся ребятишки. — Приходите к нам опять издалека.

— До свиданья, — улыбнулся сторож, — Я не знаю, куда вы идете и чего ищете, но только знайте: самое плохое далеко — это налево у реки, где наше

старое сельское кладбище. А самое хорошее далеко — это направо, через луг, через овраги, где роют камень, дальше идите перелеском, обогнете болото. Там, над озером, раскинулся большущий сосновый лес. Есть в нем и грибы, и цветы, и малина. Там стоит на берегу дом. В нем живут моя дочь Валентина и ее сын Федор, и если туда попадете, то от меня им поклонитесь.

Тут чудной старик приподнял свою шляпу. Свистнул собаку, запыхтел трубкой, оставляя за собой широкую полосу густого дыма, и зашагал к желтому гороховому полю.

Переглянулись мы со Светланой, что нам печальное кладбище! Взялись мы за руки и повернули направо, в самое хорошее далеко.

Перешли мы луга и спустились в овраги. Видели мы, как из черных глубоких ям тащут люди белый, как сахар, камень. И не один какой-нибудь заваливающийся камешек. Навалили уже целую гору. А колеса все крутятся, тачки скрипят. И еще везут. И еще наваливают.

Видно, немало всяких камней под землей запрятано.

Захотелось и Светлане заглянуть под землю. Долго, лежа на животе, смотрела она в черную яму. А когда оттащил я ее за ноги, то рассказала она, что видела сначала только одну темноту. А потом разглядела под землей какое-то черное море. И кто-то там в море шумит и ворочается. Должно быть рыба-акула с двумя хвостами: один хвост спереди, другой сзади. И еще почудилась ей Страшила в триста двадцать пять ног. И с одним золотым глазом. Сидит Страшила и гудит.

Хитро посмотрел я на Светлану и спросил, не видала ли она там заодно пароход с двумя трубами, серую обезьяну на дереве и белого медведя на льдине.

Подумала Светлана, вспомнила. И оказывается, что тоже видала.

Погрозил я ей пальцем: ой, не врет ли? Но она в ответ рассмеялась и со всех ног припустилась бежать.

Шли мы долго, часто останавливались, отдыхали и рвали цветы. Потом, когда тащить надоедало, оставляли букеты на дороге.

А один букет бросили старой бабке в телегу. Испугалась сначала бабка, не разобравши, что такое, и погрозила нам кула-

ком. Но потом увидала, улыбнулась и кинула с воза три больших зеленых огурца.

Огурцы мы подняли, вытерли, положили в сумку и весело пошли своей дорогой.

Встретили мы на пути деревеньку, где живут те, что пашут землю, сеют в поле хлеб, сажают картошку, капусту, свеклу или в садах и огородах работают.

Встретили мы за деревней и невысокие зеленые могилы, где лежат те, что свое уже отсеяли и отработали.

Попалось нам дерево, разбитое молнией.

Наткнулись мы на табун лошадей, из которых каждая хоть самому Буденному.

Увидали мы и попа в длинном черном халате. Посмотрели ему вслед и подивились тому, что остались еще на свете чудаки — «божьи люди».

Потом забеспокоились мы, когда потемнело небо. Сбежались отовсюду облака. Окружили они, поймали и закрыли солнце. Но оно упрямо вырывалось то в одну, то в другую дыру. Наконец, вырвалось и засверкало над огромной землей еще горячей и ярче.

Далеко позади остался наш серый домик с деревянной крышей. И Маруся, должно быть, давно уже вернулась. Поглядела — нет. Поискала — не нашла. Сидит и ждет, глупая!

— Папа! — сказала, наконец, уставшая Светланка. — Давай с тобой где-нибудь сядем и что-нибудь поедим.

Стали искать и нашли мы такую полянку, какая не каждому попадется на свете.

С шумом распахнулись перед нами пышные ветки дикого орешника. Встала острием к небу молодая серебристая елка. И тысячами, ярче, чем флаги в Первое Мая — синие, красные, голубые, лиловые, окружали елку душистые цветы и стояли не шелохнувшись.

Даже птицы не пели над той поляной, так было тихо.

Только серая дура-ворона бухнулась с лету на ветку, огляделась, что не туда попала, каркнула от удивления: «Карр... Карр...» — и сейчас же улетела прочь к своим поганым мусорным ямам.

— Садись, Светлана, стереги сумку, а я схожу и наберу в фляжку воды. Да не бойся: здесь живет всего только один зверь — длинноухий заяц.

— Даже тысячу зайцев я и то не боюсь, — смело ответила Светлана, — но ты приходи поскорей все-таки.

Вода оказалась неблизко, и возвращаясь я уже беспокоился о Светлане.

Но она не испугалась и не плакала, а пела.

Я спрятался за кустом и увидел, что рыжеволосая толстая Светлана стояла перед цветами, которые поднимались ей до плеч, и с воодушевлением распевала такую только что сочиненную песню:

«Гей!.. Гей!..

Мы не разбивали голубой чашки.

Нет!.. Нет!

В поле ходит сторож полей.

Но мы не лезли за морковкой в огород.

И я не лазила, и он не лез.

А Санька один раз в огород лез.

Гей!.. Гей!..

Приходи скорей!

В поле ходит Красная армия.

Это она пришла из города,

Красная армия, самая Красная,

А белая армия — самая белая.

Тру-ру-ру! Тра-та-та!

Это барабанщики,

Это летчики.

Это барабанщики летят на самолетах.

И я, барабанщица... здесь стою».

Молча и торжественно выслушали эту песню высокие цветы и тихо закивали Светлане своими пышными головками.

— Ко мне, барабанщица! — крикнул я, раздвигая кусты. — Есть холодная вода, красные яблоки, белый хлеб и желтые пряники. За хорошую песню ничего не жалко.

Чуть-чуть смутилась Светлана. Укоризненно качнула головой и, совсем, как Маруся, прищурив глаза, сказала:

— Спрятался и подслушивает. Стыдно, дорогой товарищ!

Вдруг Светланка притихла и задумалась.

А тут еще, пока мы ели, вдруг спустился на ветку серый чиж и что-то такое зачирикал.

Это был смелый чиж. Он сидел прямо напротив нас, подпрыгивал, чирикал и не улетал.

— Это знакомый чиж, — твердо решила Светлана. — Я его видела, когда мы с мамой качались в саду на качелях. Она меня высоко качала. Фють!.. Фють!.. И зачем он к нам прилетел так далеко?

— Нет! Нет! — решительно ответил я. — Это совсем другой чиж. Ты ошиблась, Светлана. У того чижа на хвосте не хватает перьев, которые выдрала ему хозяйкина одноглазая кошка. Тот чиж потолще, и он чирикает совсем не таким голосом.

— Нет, тот самый! — упрямо повторила Светлана. — Я знаю. Это он за нами прилетел так далеко.

— Гей, гей! — печальным басом пропел я. — Мы не разбивали голубой чашки. И мы решили уйти на совсем далеко.

Сердито чирикнул серый чиж. Ни один цветок из целого миллиона не качнулся и не кивнул головой. И нахмурившаяся Светлана строго сказала:

— У тебя не такой голос. И люди так не поют. А только медведи.

Молча собрались мы. Вышли из рощи. И вот мне на счастье засверкала под горой прохладная голубая река.

И тогда я поднял Светлану. И когда она увидела песчаный берег, зеленые острова, то позабыла все на свете и, радостно хлопав в ладоши, закричала:

— Купаться! Купаться! Купаться!

Чтобы сократить путь, мы пошли к речке напрямик через сырые луга.

Вскоре мы оказались перед густыми зарослями болотного кустарника. Ворочаться нам не захотелось, и мы решили как-нибудь пробраться.

Но чем дальше мы продвигались, тем крепче стягивалось вокруг нас болото.

Мы крутили направо, налево, перебирались по хлопким жордочкам, прыгали с кочки на кочку. Промокли, измазались, но выбраться не могли никак.

А где-то, совсем неподалеку за кустами, ворочалось и мычало стадо, щелкал кнотом пастух и сердито лаяла почуявшая нас собачонка.

Но мы не видели ничего, кроме ржавой болотной воды, гнилого кустарника и осоки. Уже тревога выступила на веснушчатом лице притихшей Светланки. Чаще и чаще она оборачивалась, заглядывая мне в лицо с молчаливым упреком: «Что ж это, папка? Ты большой, сильный, а нам совсем плохо?»

— Стой здесь и не сходи с места! — приказал я, поставив Светлану на клочок сухой земли.

Я завернул в чащу, но и в той стороне оказалась только переплетенная жирными болотными цветами зеленая жижа.

Я вернулся и увидел, что Светлана вовсе не стоит, а осторожно, придерживаясь за кусты, пробирается мне навстречу.

— Стой, где поставили! — резко сказал я. Светлана остановилась. Глаза ее замигали, и губы дернулись.

— Что же ты кричишь? — дрогнувшим голосом тихо спросила она. — Я босая, а там лягушки — и мне страшно.